

Рубец Александр Иванович

**Предания, легенды и
сказания старобудской седой
старины, записанные по
рассказам дорогой для меня
няни Варвары**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович Р.**
Предания, легенды и сказания старобудской седой старины, записанные
по рассказам дорогой для меня няни Варвары / Рубец Александр Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 72 с.

ISBN 978-5-519-83743-9

ISBN 978-5-519-83743-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

изумленной дѣвушкой драгоценные камни, оправленные въ золото сережки, наручники, колечки, перстеньки и предложилъ все это въ подарокъ. Изъ массы этихъ богатствъ онъ предложилъ ей надѣть перстенецъ съ желтымъ камнемъ, на которомъ были вырѣзаны какіе то непонятные знаки.

Какъ только Ксеньюшка надѣла на указательный пальчикъ перстенецъ, кровь у нея зажглась, стала волновать ее; въ вискахъ застучало и она, восторженно, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ просила его почаще бывать у нихъ.

Онъ ушелъ. Ксеньюшка пошла въ свою опочивальню, бросилась въ уголъ, гдѣ стояли образа, и стала горячо молиться Божіей Матери избавить ее отъ напасти. Перстенецъ на указательномъ пальчикѣ жегъ его, врѣзывался въ тѣло и она никакъ не могла снять его. Тогда она обратилась съ молитвою къ своему Ангелу хранителю.

У каждой души христіанской, — объясняла моя няня, — есть ангелъ хранитель. Какъ только родится ребенокъ, Господь Богъ приставляетъ къ нему Ангела, охраняющаго его отъ всѣхъ бѣдствій, напастей и дурныхъ шалостей.

Какъ только начала молиться Ангелу-хранителю бѣдная Ксеньюшка, сейчасъ же закричали свое „пугу“ пугачи (совы) во всѣхъ концахъ сада и на крышѣ дома, и поднялась сильная буря и гроза. Вѣтеръ рвался, метался, ломился; домъ ходилъ ходуномъ, скрипѣлъ и вотъ-вотъ долженъ былъ разрушиться.

Ксе́нѣя безъ памяти распростерлась передъ образами; когда же буря утихла и начало разсвѣтать, она поднялась съ полу, легла въ постель и мигомъ заснула.

Проснувшись она съ радостью и удивленіемъ увидѣла, что заколдованнаго перстенъка на указательномъ пальчикѣ уже нѣтъ, и все, что видѣла и слышала она въ эту ночь, казалось ей какъ будто во снѣ.

Одѣвшись, помолившись Богу, она надѣла на себя образокъ Спасителя, подаренный ей тетей и пошла къ отцу. Начала она ему рассказывать о бурѣ, о грозѣ и различныхъ ночныхъ ужасахъ и страхахъ, такъ же о крикахъ пугачей, которые предвѣщаютъ должно быть несчастье.

„-А я такъ всю ночь проспалъ, какъ убитый, и ничего подобнаго не слыхалъ, сказалъ воевода, и еле-еле пробудился“.

— Подъ вечеръ опять явился Церетели; онъ былъ сумраченъ, мраченъ; глаза его метали искры, голосъ его, хотя и вкрадчивый, былъ лишенъ прежней нѣжности и очарованія. А Ксеньюшка не подавалась его чарамъ, избѣгала его, и не было той рѣзвости и веселости въ ея движеніяхъ и разсказахъ. Отецъ, видя эту перемену, предложилъ имъ пройтись по саду. Хотя Ксеньюшкѣ было и непріятно это, но она повиновалась желанію отца. Гуляя по саду, Церетели разсыпался передъ дивчиной всевозможными льстивыми и нѣжными словами, и началъ ей разсказывать свои боевые подвиги: какъ нерѣдко онъ попадался въ засаду, и какъ счастливо онъ отбивался отъ враговъ.. И при этомъ незамѣтно перешелъ отъ веселыхъ и боевыхъ разсказовъ на грустный и печальный разсказъ о себѣ: что онъ круглый сирота, не помнитъ ни отца и ни нѣжныхъ ласкъ матери; что онъ богатъ, знатенъ, храбръ, что все ему удается, но онъ чувствуетъ, что все это не то, что ему нужно; что онъ любить одно

райское созданіе, дѣвушку, которую нельзя ни съ чѣмъ сравнить по красотѣ, и которая, навѣрно, не любитъ его, а онъ для нея радъ все сдѣлать, даже то, что для обыкновенныхъ людей, считается невозможнымъ, неисполнимымъ...

—И эта дѣвушка-ты, мой ангелъ красоты. Назначь мнѣ какое угодно испытаніе, прикажи сдѣлать невозможное,—я все готовъ исполнить, создать, сокрушить, лишь бы тебѣ угодить. Я твой послушный рабъ и исполнитель всего того, что ты пожелаешь. Полюби, осчастливь меня... Я буду твой во вѣкъ.

Въ это время они подходили къ дому, и Церетели, въ порывѣ страсти, взялъ ее за руку и воскликнулъ печально „Гдѣ же тотъ перстенецъ, что я далъ тебѣ вчера. Вотъ доказательство того, сказалъ онъ грустно,—какъ цѣнять вещи подаренные отъ всего сердца и любви.

До этого послѣдняго восклицанія Ксеньюшка пылала въ сладостномъ забытьи и чуть не сказала шепотомъ, что она любитъ его. Упоминаніе же о роковомъ перстенькѣ живо напомнило ей о всѣхъ ужасахъ предыдущей ночи и сразу

отрезвило ее. Она въ смятеннѣи и волненнѣи, путаясь въ словахъ, застыбчиво сказала ему:

— „Я его потеряла и никакъ не могла найти его“.

Онъ началъ ее успокаивать, сказавъ, что онъ найдетъ его и завтра же доставитъ его, и просилъ придумать ему испытаніе, чтобы онъ могъ доказать свою любовь и преданность ей. Они разстались.

Ксеньюшка вернулась въ свою горенку, жарко опять помолилась, легла въ постель и все думала, какого рода назначить ему испытаніе; но ничего не придумавъ, рѣшила наконецъ посоветоваться съ своей тетей и бывшей своей няней, которая на старости лѣтъ поселилась въ монастырь; затѣмъ успокоилась и заснула.

На другой день, одѣвшись какъ можно скорѣе, она побѣжала къ тетѣ въ монастырь и, заливаясь слезами и всхлипывая, съ жаромъ разсказала, какъ она провела два вечера и двѣ ночи безъ нея, и, ласкаясь къ ней, просила помочь ей отдѣлаться отъ этого противнаго и ненавистнаго ей князя и дать ему, по его просьбѣ, совершенно неисполнимое испытаніе, хотя онъ и ручается, кля-

нется, что всякую, даже неисполнимую задачу, исполнить.

Тетя, прижавъ ее къ своей груди, сказала:

„Твою просьбу нужно хорошенько обдумать. Я сегодня буду вечеромъ и посмотрю, что у Васъ тамъ за князекъ проявился. Вечеръ утра мудреннѣе“.

За полчаса до того времени, какъ Церетели приходилъ всегда къ воеводѣ, она одѣлась въ свою черную одежду настоятельницы, съ большимъ золотымъ крестомъ на груди, приказала отворить все окна и двери, чтобы было прохладно, и заняла свое обычное мѣсто за столомъ, накрытымъ для ужина.

Представивъ князя сестрѣ своей, воевода просилъ любить и жаловать молодца. Она пристально въ упоръ посмотрѣла на него, такъ что онъ оробѣлъ и не могъ ей прямо смотрѣть въ глаза и задрожалъ увидя крестъ на ея груди. Воевода, видя все это, какъ ловкій бывалый человекъ, пригласилъ гостя выпить и закусить. Это стало впечатлѣніе встрѣчи. Выпивъ чарочку, Церетели завелъ разговоръ вообще о вишѣ и о томъ, какое выдѣлывается у него на родинѣ.

„Оно и по вкусу и по аромату,-сказалъ онъ,-превосходить всѣ другія вина, когда бы и гдѣ бы я ихъ не пробовать.“

Онъ хлопнулъ въ ладоши и въ дверь вошли громаднаго роста гайдуки, несшіе два бурдюка съ кахетинскимъ виномъ, которое Церетели преподнесъ воеводѣ въ знакъ своей пріязни къ нему, проговоривъ:

„Идите это вино во здравіе и вспомните меня“.

Воевода былъ этимъ очарованъ, потому что онъ былъ великій вынѣваха на всевозможныхъ празднествахъ: родинахъ, креснипахъ, свадьбахъ, похоронахъ, и въ особенности въ кругу своихъ друзей и сотоварищей.

Подъѣли, подвыпили и подъ впечатлѣніемъ яснаго луннаго вечера, Церетели началъ хвалить погоду и сказалъ, что грѣшно сидѣть въ душной горницѣ, когда такая лунная, теплая вечерняя погода, и предложилъ Ксеиніи пройтись по саду.

Они пошли, и, какъ только остались наединѣ, онъ страстно и порывисто обнялъ ее и нѣжнымъ, трепетнымъ голосомъ спросилъ ее, согласна ли она выйти за него замужъ и

какое придумала ему испытаніе. Она вся околдованная, очарованная и трепещущая, зардѣвшись сказала:

„Ахъ, я еще не придумала; дай мнѣ время собраться съ мыслями, и я, навѣрно, послѣ завтраго тебѣ его передамъ“.

Подойдя къ дому, онъ передалъ ей сафьяновый мѣшочекъ, вышитый золотомъ, привѣшанный къ тоненькому, чудесному золотому пояску.

— „Въ этомъ мѣшочкѣ, — сказалъ онъ, — находится то кольцо, которое я тебѣ подарилъ, по потерянное тобою; ты теперь его не надѣвай, а когда мы женимся, тогда его надѣнешь“.

Побывъ еще часикъ у Говорухи, онъ простился и ушелъ.

Послѣ его ухода воевода началъ горячо восхвалять Церетели, его доблести, боевые подвиги, любезности, заключивъ:

— „Лучшаго зятя я себѣ не пожелалъ бы“.

Сестра же его степенно и разсудительно заявила ему, что лучше о немъ собрать свѣдѣнія и не спѣшить со свадьбой; что онъ ей не нравится; что у него много отталкивающего:

глаза его устремленные на Ксеньюшку, издавали какой то фосфорическій свѣтъ, лъстивыя слова желали проникнуть въ душу, и что въ немъ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявляется какая-то сатаническая сила“...

— „А у него, - сказала, входя въ столовую горницу, старуха няня, - есть хвостикъ. Какъ тамъ чортъ не захочетъ обернуться въ чело-вѣка, а хвостика не упрячетъ. Я за нимъ изъ другой горницы смотрѣла и, когда онъ поднялся и предложилъ Ксеньюшкѣ прогуляться, этотъ хвостикъ замѣтила. Да и сама хара у него хоть и смазливая, да чертовская.

Буркулы у него пронзительныя, свѣтящіяся, безстыжіе; и отъ него вопасть сѣрою, какъ ужъ онъ тамъ ни обливайся различными запахами, а сѣрный запахъ пекла всегда отъ такихъ чертей, какъ онъ, разить“.

Воевода расхохотался отъ удовольствія, затопать ногами и со смѣхомъ сказалъ:

— „Ну, няня, разодолжила ты меня; въ такомъ красномъ и веселомъ молодцѣ — богатырь признала оборотня — черта.“

Раздосадованная на воеводу няня, надувшись пошла обратно въ монастырь, сопровождая настоятельницу.

На другой день при свиданіи со своей племянницею тетка наединѣ сообщила ей придуманное ею испытаніе, прося держать это въ тайнѣ.

Въ тотъ же вечеръ, прогуливаясь, съ Церетели по саду, Ксенія сказала ему:

„Вотъ какого рода испытаніе я на тебя налагаю: Ты долженъ въ эту ночь отколотъ и принести сюда верхушку лысой горы, что близъ Кіева. Если ты исполнишь это, я согласна быть твоей женой.“

Онъ просвѣтлѣлъ и тутъ же, простившись, исчезъ.

— „А ты знаешь дитятко,—продолжала моя старая няня,—Юльскія—то ночи очень коротки; и вотъ Ксеньюшка предложила отцу, тетѣ и старухѣ своей нянѣ не спать въ эту ночь и молиться Богу. Здѣсь—то Ксеньюшкѣ няня разказала, что всѣ пѣви и на селѣ и на дворѣ воеводы перестали пѣть: сѣлъ у нихъ тигунъ на языкѣ—значить что-то не къ добру.“

— „Нанѣ,—продолжала она,—голосистый мастырекій пѣвень прихворнулъ было, да я взбрызнула на него святой водицей, онъ выздоровѣлъ и горланилъ цѣлый день, недовольный,